УДК 821.111

ББК 83.3(0)4

DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-146-175

Валентина Сергеева

Пространство средневековой аллегории: «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгланда

Valentina Sergeeva

The Space of the Medieval Allegory: William Langland's *Vision of Piers Plowman*

Об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, переводчик (Москва).

E-mail: yogik84@mail.ru

Аннотация: Аллегория как жанр средневековой литературы зачастую рассматривается как нечто условное, схематичное, сменившееся на очередном этапе более яркими, живыми и «реальными» картинами действительности. Однако если говорить об аллегории не только как о художественном средстве, но и как о способе восприятия и моделирования действительности, мы увидим, что реальность аллегории вполне объективна, а ее содержание выходит за рамки чистой назидательности. Аллегория связывает повседневное человеческое существование с событиями библейской истории и становится средством эмоционального погружения читателя в происходящее как в непрерывно разворачивающийся евангельский сюжет, в котором каждый может проделать путь от «сына Адама» до «Сына Божьего». Аллегорическое произведение предполагает не просто реакцию на предъявляемые картины, но личное соучастие читателя и его заинтересованность в том, что для него – так же, как и для автора – является не нарочно выдуманным для иллюстрации отвлеченных тезисов, а настоящим, никогда не отступавшим в прошлое и требующим предельно серьезного к себе отношения. «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгланда, с его сложным сюжетом и обилием персонажей, включает лирического героя и, вслед за ним, читателя в мир, где соединяются настоящее и прошедшее, материальное и духовное – и, хотя этот мир достигим напрямую лишь во сне, он всегда существует рядом.

Ключевые слова: аллегория, видение, Ленглэнд, средневековая литература, английская литература.

Для цитирования: Сергеева В.С. Пространство средневековой аллегории: «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 146-175.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-146-175

About the author: Valentina S. Sergeeva, Candidate of Philological Sciences, Senior Research Assistant at the Department of Literary Theory at the Gorky Institute of World Literature RAS, translator (Moscow).

E-mail: yogik84@mail.ru

Abstract: Allegory as a genre of medieval literature is over treated as something fictitious and schematic, replaced later by more vivacious, bright and substantial pictures of the reality. However, when examining allegory not only as an artistic method but also as a way to percept and shape reality, we can see that the reality of the allegory is fairly objective, and its content goes far beyond simple didacticism. Allegory links everyday human existence with Biblical events, thus becoming a way to immerse the reader emotionally into what is happening here and now as into the Biblical story incessantly unrolling itself, where everyone can proceed from “the son of Adam” to “the son of God”. An allegoric story pretends not only the reader’s reaction to the pictures shown to him but also his personal involvement and interest in things that are not (both for him and for the author) made up for illustrating some abstract maxims; they are real, never receding to past, and they must be taken very seriously indeed. *The Vision of Piers Plowman* by William Langland, with its complicated plot and a vast amount of characters, involves the narrator and the reader after him into a world where past and present, material and spiritual unite – and even if that world is attainable only while dreaming, it always exists nearby.

Key words: allegory, vision, Langland, medieval literature, English literature.

For citation: Sergeeva V.S. The Space of the Medieval Allegory: William Langland’s *Vision of Piers Plowman*. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2020, No 1(9), pp. 146-175.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-146-175

О том, насколько непрост жанр средневековой аллегории, пожалуй, ярко свидетельствует опыт одного из величайших аллегористов XX века – Клайва Льюиса. Действует ли в «Хрониках Нарнии» «аллегория Христа» или сам Христос? Сам автор, вполне возможно, не ожидал, что ему придется специально оговариваться, проясняя для читателей свой замысел. «Если бы Аслан представлял нематериальное божество таким же образом, как Великан Отчаяние [в «Пути Паломника» Джона Баньяна. – В.С.] представляет отчаяние, то был бы аллегорическим персонажем. В действительности же, впрочем,

он – фантазия (invention), как бы дающее воображаемый (imaginary) ответ на вопрос: “Каким мог бы быть Христос, если бы существовал мир вроде Нарнии, и Он решил бы воплотиться, умереть и снова воскреснуть в *этом* мире, как Он поступил в нашем?” Это никакая не аллегория» [Collected Letters..., 2007, vol. 3, p. 1004]¹. Тем не менее, без этой специальной авторской оговорки, мы, с нашим опытом, рискуем прочесть историю Нарнии как аллереорию (и, очевидно, многие так и пытались ее читать, отчего возникла нужда в авторском пояснении).

В целом, тот же Клайв Льюис технически сформулировал и суть аллереории – «выразить нематериальное наглядными средствами» [Льюис, 2016, с. 67]. Читая его исследование, до определенной степени подытожившее литературоведческие споры о средневековой аллереории (в частности, поэтому к нему обращаемся и мы – а также потому что в творчестве самого Льюиса теория в значительной степени стала практикой) – так вот, обратившись к «Аллегории любви», нетрудно заметить, что, с одной стороны, автор достаточно объективно отражает преобладающую в литературоведческой среде точку зрения², а с другой – любопытным образом сразу же ломает собственное построение, говоря о способности аллереории переходить в область реального или, во всяком случае, восприниматься как нечто реальное. Например: «Семь (или восемь) воплощенных смертных грехов стали так привычны, что в конце концов верующий потерял всякую способность различать аллереорию и пневматологию [духоведение, метафизическая наука о бесплотных существах. – В.С.]. Добродетели и Пороки стали **так же реальные, как бесы и ангелы**» [Льюис, 2016, с. 111]³. Что же получается? Аллереория как прием безжизненна, однако талантливый писатель способен вдохнуть в нее жизнь (впрочем, не так ли обстоит дело со всеми художественными приемами?). Аллереория холодна, искусственна, морализаторски занудна (во всяком случае, у авторов, чье дарование не искупает этой искусственности); и в то же время аллереорическая образность – начало психологизма в литературе, хотя бы на уровне

¹ Перевод мой.

² Например: «Средневековая аллереория не связана ни с чем “мистическим” или мистериальным. Поэты ясно представляли себе, о чем они говорят, и прекрасно понимали, что создают фикции. Символизм – это форма мышления, аллереория – форма выражения. Она скорее принадлежит к формальным элементам поэтического искусства, чем к содержанию поэзии...» [Льюис, 2016, с. 71].

³ Что характерно, Льюис говорит это применительно к жанру сновидения.

различения и названия чувств и эмоций. Аллегория задает жесткие рамки – как минимум потому, что она должна быть узнаваема для читателя, иначе она превратится в изысканную бессмыслицу – и одновременно аллегория есть то, что «освобождает разум для свободного странствия в просто воображаемое». Благодаря ей «мир прекрасной выдумки» становится доступен» [Льюис, 2016, с. 312].

Иными словами, льюисовская «Аллегория любви» вполне отражает как неизбежные исследовательские противоречия, так и их причину – неоднозначность самого жанра, невозможность адекватно говорить о нем с позиции чисто внешней оценки, неотвратимо провоцирующей критическое (и гиперкритическое) восприятие аллегии.

С позиции объективирующего исследования/чтения основная претензия, предъявляемая к аллегии, вполне понятна: это ее холодность, искусственность, «фикциональность». Аллегии всегда чего-то недостает, она – хитроумно придуманный инструмент (а может быть, орнамент), нечто неполное, ненастоящее. То, что является действительным достоинством аллегорического текста, с точки зрения внешней системы часто выглядит как недостаток или недоработка, несмотря на то, что с точки зрения внутренней системы – именно так и должно быть. Понять, что представляет собой аллегория на самом деле, можно лишь исходя из интенции, которую принимали авторы, работавшие в этой системе и видевшие ее изнутри. А без признания возможности мистического восприятия мира – собственно, признания как чего-то нормального и естественного, отнюдь не вызывающего у нас желания отнестись к этому свысока – мы этой интенции попросту не увидим.

Априори как-то предполагается, что исторические детали и отсылки придают аллегорическому произведению реалистический характер – мы склонны считать, что, во-первых, человек эпохи средневековья воспринимал мир примерно так же, как мы, а во-вторых, что хорошо то, что реалистично (опять-таки, в нашем представлении о реальности и реализме). Но аллегорическое произведение *реалистично* и без «зацепок» за быт, поскольку для средневекового сознания мир *в норме* мистичен и населен *не только людьми* (и контекст видения, предполагающего личное, эмоционально-вовлеченное участие рассказчика, эту реалистичность еще подчеркивает). Таким образом, у исследователя получается некоторый абсурд: аллегория хороша только там, где она сломана и где автору удалось «вернуться к реальности», то есть к конкретной исторической, осязаемой, на-

сущной действительности. Второе априорное положение, неизбежно возникающее при объективирующем, внешнем подходе к аллегорической литературе – что реален и «хорош» только жизненный, бытовой, физический опыт, но не опыт мистический. Впрочем, признание реальности мистического опыта и возможность свободно об этом говорить – это, как уже было отмечено, отдельная проблема.

Однако эпоха аллегорий – это время, когда человеку не нужно делать над собой большое усилие, чтобы увидеть рядом лежащий духовный мир, и не нужно делать *слишком* большое усилие, чтобы туда попасть; когда контакта с этим миром не избегают, а, в идеале, стремятся к нему; когда этот мир нуждается не в реконструкции, а, максимум, в прояснении тусклого стекла. Когда можно идти – и вдруг оказаться совсем не там и не тогда, где ты думал. Аллегория становится языком описания, естественно проистекающим из того, что описывается нечто существующее и постоянно ищущее к нам прорваться. Человек может «выйти на связь» за счет особой восприимчивости, определенного настроения, наконец, нахождения в нужном месте в нужное время.

Несколько слов о том, что представляет собой «Видение о Петре Пахаре». Эта аллегорическая поэма (предположительно, оставшаяся незаконченной) создавалась с 70-х по 90-е годы XIV века Уильямом Ленглендом – или, во всяком случае, она приписывается ему, поскольку про самого Ленгланда⁴ мало что известно. Атрибуция поэмы, главным образом, основывается на некоторых пассажах, которые могут быть сочтены автобиографическими (повествователя, в частности, зовут Уилл), а также на приписках к разным вариантам поэмы. По некоторым предположениям, сам Ленгленд происходил из крестьян, возможно даже сервов (крепостных), и был отправлен учиться за счет неких благотворителей⁵. Если идентифицировать

⁴ Мы не можем даже с уверенностью сказать, реальная эта фамилия или псевдоним. Сам повествователь, возможно, обыгрывает свое прозвище в тексте «Видения» – I have lived in londe <...> my name is Longe Wille. Здесь и далее текст поэмы цитируется по изд.: [The Vision..., 1887].

⁵ Эти предположения, как правило, основываются на том, что автор явственно знаком с сельскохозяйственным трудом и крестьянским бытом, а также неизменно оказывается на стороне бедных и угнетенных против сильных мира сего. Кроме того, центральный положительный образ поэмы – скромный крестьянин, не понаслышке знакомый с нуждой и голодом. (Отдельный вопрос, впрочем, насколько среднестатистический человек той эпохи мог быть *не* знаком с деревенским бытом.) Есть, впрочем, и другая версия (основанная на латинском примечании к списку, сделанному ок. 1400 года), согласно которой Ленгленд происходил из среды мелкого дворянства.

Ленгленда как героя-рассказчика, то из самой поэмы мы можем почерпнуть следующую информацию: повествователь родился в Вустершире, возможно, обучался в бенедиктинской школе в городе Мальверне, жил в Лондоне, имел жену и дочь и, возможно, зарабатывал на хлеб, читая молитвы над усопшими. Не исключено, что он принадлежал к малым чинам духовенства (в которые могли посвящаться женатые мужчины) или к обширной полумаргинальной группе бывших школяров, которые грамотностью добывали себе пропитание и зачастую в поисках покровителя странствовали от замка к замку.

Однако если предположить в «Видении» следы традиции популярного жанра «мнимой исповеди» (например, «Исповедь Голии» Архипииты Кельнского, «Признание влюбленного» Джона Гауэра и т.д.)⁶, то практически любая биографическая внутритекстовая информация может оказаться недостоверной. Очевидно лишь то, что автор несомненно обладает глубокими познаниями в современном ему богословии и ратует за аскетический образ жизни священнослужителей, возможно под влиянием учения Бернарда Клервоского (1091-1153), на которого несколько раз ссылается⁷. Еще один широко обсуждаемый вопрос – был ли Уильям Ленгленд последователем Джона Уиклифа⁸. Несомненно, у Ленгленда и Уиклифа есть общие черты: оба ставили под сомнение духовную пользу индульгенций и паломничеств, настаивали на том, что проповеди должны читаться на народном языке, критиковали развращенность духовенства, утверждали приоритет активной христианской жизни перед схоластической ученостью («вера без дел мертва»). Однако эти темы и сами по себе широко обсуждались во второй половине XIV века⁹, вовсе не обязательно ассоциируясь с Уиклифом; во всяком случае, никаких конкретных отсылок к сочинениям Уиклифа, за пределами того сходства, которое может быть объяснено общим «витанием идей», у Ленгленда нет. Более того, Уиклиф – рьяный антиклерикал

⁶ Такие внутренние исповеди и саморазоблачения персонажей есть и в самом «Видении о Петре Пахаре».

⁷ Два других упоминаемых имени в этой связи – свв. Франциск и Доминик. Подробнее о бернардинской и францисканской этике в «Видении Петра Пахаря», см., например: [Clorreg, 1997].

⁸ Джон Уиклиф (1320/1324-1384) – английский богослов, реформатор и предшественник протестантизма, первый переводчик Библии на среднеанглийский язык.

⁹ Особенно после эпидемии чумы (1347-1350), воспринимавшейся современниками как конец света и кара за грехи.

и государственник – отвергал роль священства и идею евхаристии, которая для Ленгленда была одной из ключевых¹⁰.

С одной стороны, это та внешняя информация, от которой мы не можем полностью отказаться, реконструируя авторскую интенцию «Петра Пахаря». «Петр Пахарь» – детище своего

¹⁰ Отношение к современному папству у самого Ленгленда неоднозначно (несомненно, это отчасти объясняется бурными событиями его эпохи, в числе которых Авиньонское пленение пап, церковный раскол 1378 года и избрание папы Урбана VI), однако необходимости просвещенного и некорыстного священства как посредника и законоучителя Ленгленд совершенно не отрицает. Более того, говоря о «Христовой премудрости», поэт прибегает к примеру ковчега завета, к которому, как известно, могли прикасаться только священники-левиты. Система Церкви, вытекающая из сложной образной системы «Петра Пахаря», могла бы стать предметом для отдельного исследования.

And Grace, that thow graddest so of, / Gyour of
alle clerkes;
And Piers with his newe plow, / And ek with his
olde,
Emperour of al the world, / That alle men were
cristene.
Inparfit is that pope / That al the world sholde
helpe,
And sendeth swiche that sleeth hem / That he
sholde save.
And wel worthe Piers the Plowman, / That pur-
sueth God in doynge,
Qui pluit super justos / Et injustos at ones,
And sent the sonne to save / A cursed mannes
tilthe,
As brighte as to the beste man, / Or to the beste
womman.
Right so Piers the Plowman / Peyne hym to tilye
As wel for a wastour / And wenchis of the stewes,
As for hymself and his servauntz, / Save he is first
y-served;
And travailthe and tilieth / For a tretour also soore
As for a trewe tidy man, / Alle tymes y-like.
And worshiped be he that wroghte al, / Bothe good
and wikke,
And suffreth that synfulle be, / [Tyl som tyme that
thei repenten].

И [пусть] Благодать, которую ты
часто призываешь, будет вождем всех
священников, а Петр, со своим новым
плугом, а также и ветхим, плугами, –
императором всего мира, и все люди
христианами. Несовершенен папа,
который всему миру должен помогать,
но [вместо этого] посылает убивать
тех, кого должен спасать. И хорошо
поступает Петр Пахарь, который следует
в своих делах Богу, чей дождь падает
и на правых и неправых, и [который]
послал солнце, чтобы светить на поля
проклятых так же ярко, как на поля
лучших мужей и жен. Так Петр Пахарь
трудится и пашет для бродяг (расточи-
телей) и девок в борделях, как для себя
самого и своих слуг, хотя он первый,
кто достоин услужения; и он работает
и пашет для изменников так же усердно,
как для честных и достойных людей,
во всякое время. Давайте восхвалим
Того, кто создал всех, и злых и добрых,
и позволяет жить грешникам [до того
времени, когда они раскаяются]. – *Здесь
и далее будет приводиться подстрочный
перевод оригинала.* – В.С.

времени, актуальных богословских споров, церковного раскола, наконец, плод личного опыта человека, пережившего эпидемию чумы, крестьянское восстание 1381 года и т.д. С другой стороны, эта информация настолько расплывчата, что провоцирует почти бесконечные допущения. Пойдя по пути этих допущений и чрезмерно увлекшись реконструкцией социальной картины в ущерб смыслу, мы рискуем заметно сузить и «сплющить» поле поиска, сведя всю проблематику «Видения» к социальной сатире, написанной человеком, происходящим (возможно) из низов и отражающим настроения прогрессивного крестьянства. Однако социально-бытовые реалии как таковые не дают достаточного ответа ни на один вопрос «Видения» – если, конечно, не навязывать их тексту извне. Следуя логике Ленгленда, на вопрос «отчего страдают и голодают бедняки» следует ответить не «оттого что их угнетают богачи», а «оттого что люди, называющие себя христианами, не ведут христианский образ жизни». Все так называемые социальные вопросы в пределах поэмы, так или иначе, ведут к этому: *современное рассказчику общество производит апокалипсическое впечатление, потому что люди, которым была открыта великая истина, отказались от нее.*

Иными словами, говорить о художественном богословии Ленгленда мы должны, в первую очередь, исходя из самого «Видения» – в том числе, в отсутствие корпуса других текстов Ленгленда. «Петр Пахарь» – сам себе контекст.

Итак:

Книга состоит из восьми видений и пролога (в промежутках между видениями герой засыпает и просыпается, каждое видение – это сон, в некоторых из них есть также «сон во сне»). В прологе рассказчик по имени Уилл (чье имя может также переводиться как «желание», «воля», «намерение» – will) засыпает и видит башню, стоящую на холме, и темницу в низине; между башней и темницей огромное поле, полное людей всех сословий и занятий. В первом видении Уилл встречает Святую Церковь, которая объясняет ему, что это башня Правды. Она рассказывает Уиллу, что недостаточно только исповедовать христианскую веру, но надлежит также подтверждать ее своим поведением, ибо вера без дел мертва. (Тема активного христианского поведения, любви, милосердия, неосуждения и помощи ближним пройдет через всю поэму.) Далее Уилл видит леди Мзду, которую собираются выдать замуж за Ложь; за-

тем ее везут к королевскому двору, где король предлагает ей выйти за рыцаря Совесть, однако Совесть с негодованием отказывается. Во втором видении Разум обращается к людям с проповедью, и те решают покаяться. Появляются Семь смертных грехов, которые также приносят покаяние и решают отправиться в паломничество к святой Правде, однако сбиваются с пути, и на помощь им приходит Петр Пахарь: он соглашается проводить их, если они помогут ему вспахать поле (на помощь ему, в качестве стимула, является Голод). Все берутся за работу, и в конце концов Правда присылает Петру Пахарю прощение для всех кающихся. В третьем видении Уилл отправляется на поиски существа по имени «Поступай хорошо» (Do Well) и по пути встречается с разными персонажами – Разумом, Смекалкой, Воображением, Человеческой Природой, Ученостью, Священством, Писанием и т.д. В процессе герой понимает, что знания и самопознание помогут ему достичь спасения, узнает о силе любви, смирения и терпения. В четвертом видении, на пиру у алчного доктора богословия, Уилл снова встречается с Петром Пахарем, который объясняет ему, что значит «Поступать хорошо», и показывает Деятельного Хэнка, облаченного в плащ Христианской веры, который, однако, запачкан смертными грехами. В пятом видении Уилл встречает Аниму (душу) и в беседе с ней приходит к выводу, что Петр Пахарь – это Христос. Он видит древо Любви (или Милосердия, Charity), за которым ухаживает Петр Пахарь, сам участвует в сцене грехопадения, затем перед ним проходит вся жизнь Христа. В шестом видении Уилл узнает, как соединяются между собой человеческая и божественная история, видит, как Христос, он же добрый самарянин, он же Петр Пахарь, входит в Иерусалим, затем сцену распятия и схождение в ад. В седьмом видении Уиллу рассказывают про Сошествие Святого Духа и о том, что есть благодать; он вновь видит Петра в облике Пахаря. Христиане, под руководством Совести и основных добродетелей, начинают возводить амбар/житницу – «церковь единства» – куда можно будет свозить урожай с поля Петра Пахаря, однако их постройка подвергается нападению Гордыни. Наконец, в восьмом видении Уиллу снится Антихрист; он видит, как Человеческая природа посылает людям Старость, Смерть и Чуму. Церковь терпит урон от Лицемерия, и Совесть отправляется в паломничество, чтобы отыскать Петра Пахаря и призвать его на помощь – на этом Уилл просыпается, и текст заканчивается.

Аллегорическое пространство поэмы то расширяется, то сужается. Это не линейное и не кругообразное перемещение, а, скорее, пружина, которая сжимается и разжимается; строго говоря, это не путешествие в буквальном смысле, а постепенное разворачивание, раскрытие сюжета сцена за сценой, образ за образом. По сравнению с «Божественной комедией», с ее четкой геометрией мира, мир «Петра Пахаря» кажется хаотичным, его внутренние «стенки» постоянно проницаемы. Рассказчик движется то туда, то сюда, садится, засыпает, иногда видит сон во сне, продолжая двигаться по той же ломаной траектории... Хрестоматийное поле, полное народу – символ человеческого общества, со всеми его посясторонними устремлениями и сословными различиями – сокращается до надела Петра Пахаря, размером в пол-акра, затем увеличивается до всего «срьдземелья» (*middel-erthe* у Ленгленда), снова сужается до участка, на котором растет древо Любви в Господнем саду, и наконец полностью уходит в область духовного: это поле, уже неопределенных размеров, вспахивают четыре евангелиста и засевают семенами четырех добродетелей (дух благоразумия, дух умеренности, дух стойкости, дух справедливости). Отсутствие линейности не замыкает в себе и отдельных персонажей, позволяя им расширяться практически беспредельно, по мере того как повествователь-сновидец узнает о них все больше и больше. В самом начале Святая Церковь предстает рассказчику как прекрасная женщина (и, очевидно, на первом этапе пути только в такой конкретной, узнаваемой и привлекательной форме она и может быть воспринята им), а в конце – как вышеупомянутая церковь единства (*Church of Unity*)¹¹. То, что сначала имело облик прекрасной дамы, в финале предстает в виде крестьянского амбара, но, очевидно, может быть уже без затруднений воспринято и понято *правильно*¹². Это, разумеется, не просто перевод богословских понятий на язык, доступный мирянам, а отражение эволюции самого рассказчика, который, пройдя духовное преображение, становится способен к религиозному восприятию действительности, в том числе, который, представляется нам, совершенно верно описал Йохан Хейзинга: «Бедной монахине, несущей на кухню охапку дров, мнится, что она несет крест – одного этого представления оказывается достаточно,

¹¹ Ср.: «...сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания» (Еф. 4:3-4).

¹² «а пшеницу уберите в житницу мою» (Мф. 13:24).

чтобы простейшее действие растворилось в свете высочайшего деяния любви. Для слепой прачки ушат и прачечная – это кормушка и ясли» [Хейзинга].

Если взять для примера три описания (одно из них – строительство, два – описание замка и организации жизни в нем), будет видно, как бытовые – и очень точные – детали органично соединяются с небытовыми.

And Grace gaf hym the cros, / With the croune of
thornes,
That Crist upon Calvarie / For mankynde on pyned,
And of his baptisme and blood / That he bledde on
roode
He made a manere morter, / And mercy it highte.
And therwith Grace bi-gan / To make a good
foundement,
And watlede it and walled it / With his peyne and
his passion,
And of al holy writ / He made a roof after,
And called that hous Unitee, / Holy chirche on
Englisshe.
And whan this dede was doon, / Grace devysede
A cart highte cristendom / To carie Piers sheves;
And gaf hym caples to his carte, / Contricion and
confession;
And made preesthod hayward, / The while hymself
wente
As wide as the world is / With Piers to tilie truthe.

Благодать дал ему [Петру] крест с терновым венцом, который Христос ради человеческого рода носил на Голгофе, и из [воды] крещения и крови, пролитой на кресте, смешал раствор, который называется Милосердие. Потом Благодать начал устраивать хороший фундамент, и огородил его и обнес стеной Его муки и Его Страстей, и из Святого Писания затем сделал крышу, и назвал это здание Союзом, святой церковью по-английски. Когда это было сделано, Благодать смастерил телегу под названием Христианство (Христианский мир), чтобы возить Петровы снопы, и дал для этой телеги лошадей, раскаяние и Исповедь, и сделал священников погонщиками, а сам тем временем отправился в широкий мир, возделывать истину вместе с Петром.

Ac if yow wilneth to wende wel, / This is the wey thider.
Ye moten go thorough Mekenesse, / Both men and
wyves,
Til ye come into Conscience, / That Crist wite the sothe
That ye loven oure Lord God / Levest of alle thynges,
And thanne youre neghebores next / In none wise
apeire,
Other wise than thow woldest / He wroughte to
thiselve.
And soboweth forth by a brook, / Beth-buxom-of-speche,
Til he fynden a ford, / Youre-fadres-honoureth,
Honora patrem et matrem, etc.
Wadeth in that water, / And wasshe yow wel therinne,
And ye shul lepe the lightloker / Al youre lif tyme;

И если вы хотите идти правильно, вот путь туда. Вы должны идти через Смирение, и мужчины и женщины, пока не дойдете до Совести [сознания], что Христос знает правду – что надлежит любить Бога превыше всего, а затем ближнего, и ни за что не делать иначе, чем вы бы хотели, чтобы он поступал с вами. Затем идите вдоль ручья, который называется «Будь-кроток-в-речах», пока не найдете брод под названием «Почитай-родителей» – почитай своего отца и свою мать, и проч. Вы войдете в воду и хорошенько омоетесь, и до конца жизни вам будет легко идти. Затем вы увидите «Не-клянись-разве-что-при-необхо-

And so shaltow se were-noght, / But if it be for-nede, -
 And nameliche on-ydel / The name-of-God-almighty.
 Thanne shaltow come by a croft, / But come thou
 noght therinne;
 That croft hatte Coveite-noght- /
 Mennes-catel-ne-hire-wyves,-
 Ne-noon-of-hire-servantz- / That-noon-hem-myghte;
 Loke ye breke no bowes there, / But if it be youre
 owene.
 Two stokkes ther stondeth, / Ac stynte ye noght there,
 Thei highte Stele-noght and Sle-noght, / Strik forth
 by bothe,
 And leve hem on thi lift half, / And loke noght
 thereafter,
 And hold wel thyn hali-day / Heighe til even.
 Thanne shaltow blenche at a bergh, /
 Bere-no-fals-witnesse,
 He is frythed in with florins / And othere fees manye;
 Loke thou plukke no plaunte there, / For peril of thi
 soule;
 Thanne shul ye see Seye-sooth, - / So-it-be-to-doone,-
 In-good-manere,-ellis-noght- /
 For-no-mannes-bidding.
 Thanne shaltow come to a court / As cler as the sonne;
 The moot is of Mercy / The manoir aboute,
 And alle the walles ben of Wit, / To holden Wil oute,
 And kerneled wit Cristendom, / Mankynde to save,
 Botrased with Bileef-so, - / Or-thow-beest-noght-saved.
 And alle the houses ben hiled, / Halles and chambres,
 With no leed but with love, / And lowe speche as
 bretheren;
 The brugg is of Bidde-wel, - /
 The-bet-may-thow-spede;
 Ech piler is of penance, / Of preieres to seyntes;
 Of almes-dedes are the hokes / That the gates hangen
 on.
 Grace hatte the gatewarde, / A good man for sothe;
 His man hatte Amende-yow, / For many men hym
 knoweth;
 Telleth hym this tokene, / That Truthe wite the sothe;
 «I perfourned the penance / That the preest me
 enjoyed,
 And am ful sory for my synnes, / And so I shal evere,
 Whan I thynke theron, / Theigh I were a pope».
 Biddeth Amende-yow meke hym / Til his maister ones,
 To wayven up the wicket / That the womman shette,

димости-и-не-поминай-всue-имя-Го-
 спода-Всемогушего». Потом дойдете
 до фермы, но не заходите внутрь – она
 называется «Не желай чужого имущества,
 ни чужих жен, ни слуг, ничего, что может
 им повредить» – и не ломайте там веток,
 если они не принадлежат вам. Увидите два
 пригорка, но не останавливайтесь там: это
 «Не убий» и «Не укради», так что пройдите
 мимо обоих, оставив их слева, и с тех пор
 не оборачивайтесь, и исправно соблюдайте
 праздничные дни до вечера. Затем сверните
 у холма «Не лжесвидетельствуй», который
 кругом осыпан деньгами и многими други-
 ми наградами – но не срывайте там цветов,
 чтобы не ввергнуть душу в опасность.
 Потом увидите «Говори правду и поступай
 так и никак иначе, ни по чьему приказу».
 Затем доберетесь до замка, сияющего как
 солнце; ров Милосердия окружает поме-
 стье, стены из Мудрости, чтобы отогнать
 Своеволие; укреплено оно Христианством,
 которое спасет человечество, а его опоры
 – «Верь, иначе не спасешься». И весь дом
 хорошо покрыт, залы и покои, не свинцом,
 а любовью и «Кроткой Братской Речью».
 Подъемный мост – «Хорошо молись и пре-
 успеешь», каждый столб там – покаяние и
 молитва святым; из милостины те петли,
 на которых висят ворота. Благодать там
 привратник, надежный человек воистину;
 его помощник – «Исправь жизнь свою»,
 также известный многим людям. Скажите
 ему пароль: «Истине известно, что я вы-
 полнил покаяние, наложенное священни-
 ком, и раскаиваюсь в своих грехах, и буду
 сожалеть впредь, думая о них, хоть будь я
 папой». Затем узнайте, может ли «Исправь
 жизнь свою» смиренно попросить своего
 хозяина отпереть врата, которые закрыла
 Ева, когда они с Адамом вкусили кислых
 яблок; то, что заградила Ева, было отперто
 вновь Девой Марией. Ибо он [Благодать]
 держит ключ и засов, пока Король спит.
 Если Благодать позволит вам таким обра-
 зом войти, вы сами увидите Истину в своем

Tho Adam and Eve / Eten apples un-rosted.
Per Evam cunctis clausa est, et per / Mariam
virginem patefacta est.
For he hath the keye and the cliket, /
Though the kyng slepe.
And if grace graunte thee / To go in this
wise,
Thow shalt see in thiselwe / Truthe in thyn
herte,
In a cheyne of charité / As thow a child
were,
To suffren hym and segge noght / Ayein thi
sires wille.
And be war thanne of Wrathe-thee, / That is
a wikked sherewe;
He hath envye to hym / That in thyn herte
sitteth,
And poketh forth pride / To preise thiselven.
The boldnesse of thi bienfetes / Maketh thee
blynd thanne;

сердце, с цепью Милосердия*; как если бы вы были детьми, подчиняйтесь ему и не говорите ничего против воли старших. И бойтесь Гнева, этого злодея; он завидует тому, кто обитает в вашем сердце, и выталкивает вперед гордыню, чтобы [вы] хвалились собой. Если размах ваших добрых дел ослепит вас, тогда вас прогонят, как оленей, и дверь будет закрыта, и заперта, и заложена на засов, чтобы вы остались снаружи, может быть на целых сто лет, прежде чем снова войдете. Так вы можете утратить его любовь, задержав самих себя, и никогда вновь не войти, разве что получите благодать. И там есть семь сестер, которые вечно служат Истине, они привратницы у потайных ходов (потерн), которые есть в этом доме. Одну зовут Воздержание, другую Смирение; Милосердие и Целомудрие – старшие сестры, и с ними Терпение и Мир, которые помогли многим людям, и госпожа Щедрость, которая выпускает многих и освободила целую тысячу из адского заточения.

* Имеется в виду знак отличия, который носили должностные лица – судьи, мэры и т.д.

Sire Do-wel dwelleth, quod Wit, / Noght a
day hennes,
In a castel that Kynde made / Of four kynnes
thynges;
Of erthe and of eyr it is maad, / Medled
togideres,
With wynd and with water / Witterly
enjoynd.
Kynde hath closed therinne / Craftily
withalle
A lemman that he loveth / Lik to hymselfe;
Anima she hatte. / Ac envye hir hateth,
A proud prikere of Fraunce, / Princeps hujus
mundi,
And wolde wyne hire away / With wiles,
and he myghte.
Ac Kynde knoweth this wel, / And kepeth
hire the bettere,
And dooth hire with sire Do-wel, / Is duc of
these marches.
Do-bet is hire damyselle, / Sire Do-weles
doughter,
To serven this lady leelly / Bothe late and
rathe.
Do-best is above bothe, / A bisshopes peere;

- Сэр «Поступай хорошо»? – сказал Смекалка, – обитает меньше чем в дне пути отсюда, в замке, который создан Человеческой натурой (природой) из четырех вещей – земли и воздуха, смешанных вместе с ветром и водой, хитроумно соединенных. Человеческая Природа запер внутри, искусно окружив [замок стенами], возлюбленную, которая подобна ему. Душа (Anima) она зовется и Зависть, этот гордый французский воин, ее ненавидит, «князь мира сего», и желает увлечь ее своими хитростями, и может [это сделать]. Но Человеческая Природа хорошо это знает и тем лучше охраняет ее, и он условился с сэром «Поступай хорошо», герцогом той марки. И его дочь, «Поступай лучше», ее [Души] спутница, служит той даме верно с утра до вечера. «Делай лучшее» – над ними обоими, равный епископу – что он велит, должно быть сделано, и он правит ими всеми. Душа, та дама, следует его наказу. Управитель замка, который за всем смотрит, – мудрый рыцарь, чье имя Разум. От первой жены у него пять прекрасных сыновей: сэр Хорошо-Смотри, сэр Хорошо-Говори, учтивый сэр Хорошо-Слушай, крепкий и могучий муж Исправно-Трудись-Своими-Руками, а также сэр Годфри Хорошо-Живи – славные лорды, воистину. Эти пятеро приставлены, чтобы охранять леди

That he bit moot be do, / He ruleth hem alle.
 Anima, that lady, / Is lad by his leryng.
 Ac the constable of that castel, / That kepeth al the wacche,
 Is a wis knyght withalle, / Sire Inwit he hatte,
 And hath feyve faire sones / Bi his firste wyve;
 Sire Se-wel, and Sey-wel, / And Here-wel the hende,
 Sire Werch-wel-with-thyn-hand, / A wight man of strengthe,
 And sire Godefray Go-wel; / Grete lordes, for sothe.
 Thise feyve ben set / To kepe this lady Anima,
 Til Kynde come or sende / To saven hire for evere.

<...>

And of his grete grace / Graunted hym blisse,
 And that is lif that ay shal laste / To al his lynage after.
 And that is the castel that Kynde made, / Caro it hatte,
 And is as muche to mene / As man with a soule;
 And that he wroghte with werk, / And with word bothe,
 Thorgh myght of the magesté / Man was y-maked.
 Inwit and alle wittes / Closed ben therinne,
 For love of the lady Anima, / That lif is y-nempned;
 Over al in mannes body / He walketh and wandreth.
 And in the herte is hir hoom / And hir mooste reste.
 Ac Inwit is in the heed, / And to the herte he loketh;
 What Anima is leef or looth, / He lat hire at his wille;
 For after the grace of God, / The gretteste is Inwit.

Душу, пока Человеческая Природа не придет или не пошлет за ней, чтобы взять под свою защиту [спасти] навсегда. <...> И по своей великой милости [Бог] даровал человеку и его потомству радость, и это – жизнь, которая вечно будет длиться. И это замок, который сотворил Человеческая Природа, под названием Плоть (Caro), и он так же важен человеку, как душа, и он был сотворен Его трудом и словом, властью всемогущего Бога человек был создан. И разум, и чувства затворены внутри из любви к даме Душе, называемой жизнью; во всем человеческом теле она странствует и ходит, но в сердце ее дом и главный приют. А Разум живет в голове и управляет сердцем; когда Душа уклоняется или дает себе волю, он подчиняет ее своей воле. После благодати Божьей, разум – величайший дар.

Мы видим, что понятия из высших сфер не просто накладываются, как ярлыки, на предметы и представления человеческого обихода, но продолжают выполнять свою задачу, связывая всё со всем в единой истории промыслительного творения и любви (неудивительно, что куртуазная сцена с дамами и рыцарями так легко совмещается с описанием отношения Бога к человеку). Не стоит думать, что для человека XIV века высшие сферы бытия организованы точно так же, как низшие, просто потому, что он не может представить себе ничего выглядящего принципиально иначе. Ленгленд неоднократно подчеркивает, что устройство мира, не утратившего прямого контакта с Богом, *очевидно иное*, чем представляется нам – и это ясно, в том числе, по его сплошной проницаемости и нелинейности, тем свойствам, которые открылись повествователю-сновидцу; оно *иное* для человека, привыкшего к сугубо материальным – определяемым материей – законам бытия, точно так же, как обитателям *того* мира кажется удивительной линейность и закрытость мира посюстороннего, жестко ограниченного эгоизмом, корыстью и гордыней. Окон-

чательное идеальное устройство, божественный замысел для автора есть тайна, которую он и не стремится познать (во всяком случае, за пределами того, что может быть доступно человеку благодаря откровению). Однако в божественном мире, очевидно, вполне могут существовать крепости, поля, амбары и деревни, поскольку в нем нет нужды демонстративно отрицать человеческое как низменное. Материя, как и все остальное, создана Богом и освящена Его пребыванием. Низменность не в быту, даже и в предельно убогом; она в тех способах, которыми человек отрицает в себе образ Божий, отгораживаясь от видений горнего мира, от «Правды в собственном сердце». Прodelав долгий путь и войдя в замок Правды, человек одновременно оказывается внутри собственной души; лишь тогда он может приступить к подлинному самопознанию, с которого начинается этап Do-well¹³. Аллегория становится способом организации пространства, доступным для человека инструментом входа в мир, существующий по непривычным – а на самом деле, просто забытым (или отвергнутым) им законам.

Иными словами, мир «Петра Пахаря» принципиально устроен так, что границы между наружным и внутренним, женским и мужским (об этом чуть ниже), божественным и человеческим становятся проницаемы, и самый яркий пример тому – сам Христос. Границы между человеческим телом и телом Христа точно таковы же. Именно поэтому у Ленгленда постоянно находим идею трансформации личности¹⁴ при соприкосновении с Богом (будь это личность отдельная или «совокупная», общество как тело Христово и Церкви). Естественно возникает при этом тема причастия: Христос, как мать молоком, кормит людей своей кровью, зовет их приникнуть «к груди Господа» и утешиться, отчего еще усиливается идея крестной жертвы – в универсально узнаваемом образе кормления матерью ребенка; а для средневековых натурфилософов грудное молоко матери – это преображенная кровь¹⁵.

¹³ В христианской практике, для Ленгленда, это соответствует вспоминанию и признанию своих грехов и раскаянию; с точки зрения бытового поведения Do-well – это «говори правду, трудись своими руками, живи своим ремеслом или обрабатывая землю, честно веди счета, не требуй того, что не должно, не пьянствуй и не будь высокомерен – и это будет достаточно хорошо».

¹⁴ См. ниже про истинное знание.

¹⁵ С этим, в том числе, связан и образ пеликана, кормящего кровью своих птенцов – символ бескорыстной самоотверженной любви. Присутствовавший еще в раннехристианской традиции, с XIII века пеликан становится одной из самых узнаваемых (в том числе визуально) аллегорий Христа. См., например, «Христос-страстотерпец» Лоренцо Монако

Перед нами естественное толкование притчи о самарянине: израненный разбойниками путник – это страдающая душа, одолеваемая многочисленными грехами, милосердный самарянин – Христос, гостиница, куда помещают раненого, – Церковь, масло и вино – масло, которым помазываются при таинстве крещения, и вино евхаристии, и так далее. И в то же время происходящее в притче есть происходящее между людьми (поскольку ортодоксия невозможна без ортопраксии, опыта практической любви), и ее параллельная интерпретация – сфера человеческих отношений, вопрос о том, кого считать ближним и что такое закон любви. Оба этих смысла вполне отражены и в двойной иконографии этого сюжета. Однако, как мы видим, «человеческое», общежительное толкование не ниже и не хуже толкования более высокого, согласно которому самарянин есть Христос, поскольку речь в обеих интерпретациях идет об одном и том же – о братской любви¹⁶, бескорыстной и безбоязненной. Ленгленд тем нагляднее сводит два пласта реальности воедино, сделав свидетелями происходящего представителей обоих этих пластов: бессмертную Любовь/Милосердие (Charity, лат. caritas) и смертного человека – повествователя-сновидца.

Что характерно, 19-я часть (или «шаг», passus) поэмы, одна из ключевых, начинается и заканчивается несостоявшимся причастием: рассказчик засыпает в церкви во время мессы незадолго до таинства Пресуществления; и христиане, собравшиеся в «церкви единства», не откликаются на призыв Совести принять причастие, увлекшись спором. Здесь необходимо обратить внимание на место этих эпизодов в композиции поэмы: рассказчик благочестиво отправляется в церковь вместе с женой и дочерью после того, как в предыдущем своем видении сделался свидетелем победы Христа над дьяволом и освобождением душ праведников. Однако, заснув в церкви, он видит перед собой то, что, казалось бы, согласно общей хронологии библейского сюжета должно было произойти *еще раньше*:

(1403), где крест увенчан деревом, на котором сидит пеликан с птенцами; Фома Аквинский пишет гимн «Adoro te devote», в котором Христос назван «благим Пеликаном», Pie Pelicane. И т.д.

¹⁶ Кровь, пролитая на Голгофе, в буквальном смысле сделала людей *кровными* братьями – как между собой, так и братьями Христу, и – пишет Ленгленд – *новорожденными младенцами* («как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко», 1 Петр 2:2), то есть теми, кто должен повторить путь Христа с самого начала, чтобы в полной мере стать детьми Божиими, а не только потомками Адама.

...And sodeynly me mette
 That Piers the Plowman / Was peynted al blody,
 And com in with a cros / Bifore the comune peple,
 And right lik in alle thynges / To oure Lord Jhesus.
 And thanne called I Conscience, / To kenne me the
 sothe;
 Is this Jhesus the justere, quod I, / That Jewes dide to
 dethe?
 Or it is Piers the Plowman. / Who peynted hym so rede?
 Quod Conscience, and kneled tho, / Thise arn Piers
 armes,
 Hise colours and his cote armure; / Ac he that cometh
 so blody
 Is Crist with his cros, / Conquerour of cristene.
 <...>
 And tho conquered he on cros, / As conquerour noble.
 Mighte no deeth hym for-do, / Ne a-doun brynge,
 That he naroos and regnede, / And ravysshed helle:
 And tho was he conquerour called / Of quyke and of
 dede.
 For he yaf Adam and Eve / And othere mo blisse,
 That longe hadde y-leyen before / As Lucifer cherles.
 <...>
 Ac the cause that he cometh thus / With cros of his
 passion,
 Is to wissen us therwith / That whan that we ben
 tempted,
 Therwith to fighte and defenden us / Fro fallynge to
 synne.
 And so bi his sorwe, / That who so loveth joye
 To penaunce and to poverte / He moste puten
 hymselfen,
 And muche wo in this world / To willen and suffren.

...и внезапно я увидел, что Петр Пахарь
 весь окрашен кровью, и идет с крестом
 перед простыми людьми, и во всем
 совершенно подобен Господу нашему
 Иисусу. Тогда я попросил Совесь
 сказать мне правду: «Это Иисус-воин
 [в оригинале: турнирный боец],
 которого иудеи обрекли на смерть,
 или это Петр Пахарь? Кто окрасил его
 красным?»* Ответил Совесь и встал
 на колени: «Это герб Петра, его цвета
 и его доспехи; однако тот, кто идет
 [здесь] в крови, есть Христос со своим
 крестом, защитник христиан. <...> Но
 Он победил на кресте, как благород-
 ный победитель. Смерть не смогла
 уничтожить Его и повергнуть. Он вос-
 стал, и обрел власть, и спустился в ад;
 и это Он назван победителем живых
 и мертвых, ибо принес блаженство
 Адаму, Еве и остальным, кто слишком
 долго томился в рабстве у Люцифера.
 <...> И по этой причине Он идет
 с крестом Своих Страстей, ибо желает
 этим научить нас, чтобы когда мы
 подвергаемся искушению, тем самым
 бороться и защитить нас от впадения
 в грех. И для того Его страдания [мы
 должны понять из Его страданий], что
 тот, кто так любит радость, должен
 подвергать себя покаянию и бедности
 и искать и терпеть в этом мире много
 горя».

* Ср.: «Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле?» (Ис. 63:2)

Таким образом, Совесь напоминает повествователю о том, чему он стал свидетелем в предыдущем видении (торжество Христа над смертью, схождение в ад) – однако здесь перед Уиллом предстает логически предшествующая воскресению сцена:

Страсти Христовы и Его кровь. Причастие, как бы пропущенное в пространстве реального мира, совершается в мире видения, не только не делаясь от этого менее актуальным или ненастоящим, но именно что *единственно настоящим* и являясь. В присутствии Христа не могут не актуализироваться смыслы, отчасти стертые многократным повторением¹⁷. Хронологически отдалившись от событий евангельской истории и имея дело лишь – казалось бы – с напоминаниями о ней, христианин может позабыть, что означает *на самом деле* причастность Христу¹⁸. Материальный мир – пространство бодрствования – оказывается, таким образом, более условным и метафоричным, чем пространство аллегории, где всё всерьез и всё – сейчас. Человек должен повторить путь Христа, поскольку и Христос прошел путем человека, совершив все то, что доступно «Адамову плоду» (с последовательностью Do-well, Do-better и Do-best рассказчик уже знаком):

¹⁷ Сомнения по поводу причастия – тоже примета эпохи. Так, пресуществление отрицал Уиклиф, логически доказывая, что хлеб не может быть Телом Христовым, поскольку две сущности не могут одновременно находиться в одном месте (также «то, что мы, священники, делаем и благословляем, есть не тело Господа, но Его действенный знак», и проч.) [Цит. по: Wycliffe, 1845]. В различных гностических течениях также были свои представления о причастии (напр., у манихеев – чтение определенных отрывков из Евангелия). Во всяком случае, сама возможность сомнения в реальности Тела и Плоти, вероятно, в эпоху Ленгленда существовала даже для искренне верующих людей.

¹⁸ Тема причастия и Божественной любви также оказывается лейтмотивом, скрепляющим поэму. В части 1 любовь описывается как вода, которая, словно в колодце, содержится в сердце Христа – и в виде крови и воды буквально изливается из этого сердца, когда во время распятия его пронзают копьем; любовь здесь – напиток, которого жаждет рассказчик. В части 11 Христос приглашает людей пить Свое млеко – Свою кровь (см. цитата выше); создание этого «напитка любви» вскоре уподобляется сбору винограда в долине Иосафата – то есть, воскресению мертвых – когда Христос примет в себя всех, кого любит, так, как они буквально принимали Его во время евхаристии.

For I that am lord of lif, / Love is my drynke;
And for that drynke to-day / I deide upon erthe.
I faught so, me thursteth yit, / For mannes soule sake;
May no drynke me moiste, / Ne my thurst slake,
Til the vendage falle / In the vale of Josaphat,
That I drynke right ripe must, / Resurrectio
mortuorum;
And thanne shal I come as a kyng, / Crouned with
aungeles,
And have out of helle / Alle mennes soules.

Ибо Я владыка жизни, и любовь мой
напиток; и ради этого напитка Я умер
сегодня на земле. Я так боролся и страдал
от жажды за души людей, что никакой на-
питок не может Меня увлажнить и утолить
мою жажду, пока не произойдет сбор вино-
града в долине Иосафата, и Я выпью самый
[зрелый] напиток, воскресение мертвых;
и тогда Я приду как царь, коронованный
ангелами, и выведу из ада все человеческие
души.

In his juventee this Jhesus / At Jewene feeste
Water into wyn turnede, / As holy writ telleth.
And there bigan God / Of his grace to do-wel.
For wyn is likned to lawe / And lif-holynesse,
And lawe lakkede tho, / For men lovede noght hir
enemys.
And Crist counseileth thus, / And comaundeth bothe,
To lered and to lewede / To lovyen oure enemys.
So at the feeste first, / As I bfore tolde,
Bigan God of his grace / And goodnesse to do-wel.
And thanne was he called / Noght holy Crist, but
Jhesu

<...>

And whan he woxen was moore, / In his moder
absence,
He made lame to lepe, / And yaf light to blynde,
And fedde with two fisshes, / And with fyve loves,
Sore a fynghed folk / Mo than fyve thousand.
Thus he confortede carefuller / And caughte a gretter
name,
The which was Do-bet, / Where that he wente,
For deve thorough hise doynge to here / And dombe
speke he made,
And alle he heeled and halp / That hym of grace
askede.
And tho was he called in contré / Of the comune peple,
For the dedes that he dide, / Fili David, Jhesus.

<...>

And whan this dede was doon, / Do-best he taughte,
And yaf Piers power, / And pardon he grauntede,
To alle maner men / Mercy and forghifnesse,
Hym myght to assoille / Of alle manere synne,
In covenant that thei come / And kneweliched to paie
To Piers pardon the Plowman, / Redde quod debes.
Thus hath Piers power, / By his pardon paid,
To bynde and unbynde, / Bothe here and ellis where;
And assoille men of alle synnes, / Save of dette one.

В молодости Иисус на еврейском праздни-
ке обратил воду в вино, как рассказы-
вает Писание, и так начал быть Богом,
по своей благодати, и поступать хорошо.
Ибо вино может быть уподоблено закону
и святой жизни. Закон позволял, чтобы
люди не любили своих врагов, но Христос
наставил их и велел равно ученым и не-
ученым любить наших врагов. Впервые
на том пиру, как я уже сказал, Он явил
свою благодать как Бог и по доброте стал
поступать хорошо. И тогда Его звали не
святым Христом, но Иисусом

<...> Став старше, в отсутствие своей
матери, Он вернул ноги хромоту и свет
слепому и накормил двумя рыбками
и пятью хлебами страдавших от голода
людей, больше пяти тысяч. Он утешал
измученных тревогами и приобрел более
славное имя «Поступай-лучше» за то,
что, куда ни направлялся, Он совершал
добрые дела и заставлял немых говорить
и всех исцелял и помогал тем, кто просил
Его о милости. По всей стране простые
люди называли Его за дела, которые Он
совершил «Иисус, сын Давидов»

<...> Когда это было совершено, Он стал
учить «Делай-лучшее», и дал власть
Петру, и даровал прощение, всем людям
отпущение и милость, ему [Петру] власть
отпускать всякие грехи, при условии, если
они [люди] приходили и соглашались
уплатить за прощение Петру Пахарю:
отдай, что должен. Так, Петр имеет силу,
когда прощение оплачено, связывать
и разрешать здесь и повсюду и отпускать
людям все грехи, если нет долгов.

Вскоре за этим следует вспахивание поля и строительство амбара.
Далее:

<p>I care noght, quod Conscience, / Though Pride come nouth.</p> <p>The lord of lust shal be letted / Al this lente, I hope.</p> <p>Cometh, quod Conscience, / Ye cristene, and dyneth,</p> <p>That han laboured lelly / Al this lenten tyme.</p> <p>Here is breed y-blessed, / And Goddes body therunder:</p> <p>Grace, thorough Goddes word, / Yaf Piers power</p> <p>And myghtes to maken it, / And men to ete it after</p> <p>In helpe of hir heele / Ones in a monthe,</p> <p>Or as ofte as thei hadde nede, / Tho that hadde y-paied</p> <p>To Piers pardon the Plowman. / Redde quod debes.</p> <p>How, quod al the comune, / Thow conseildest us to yelde</p> <p>Al that we owen any wight, / Er we go to housel?</p> <p>That is my conseil, quod Conscience, / And cardinale vertues,</p> <p>That ech man for-gyve oother, / And that wol the pater-noster.</p> <p>Et dimitte nobis debita nostra, etc.</p> <p>And so to ben assoilled, / And siththen ben houseled.</p> <p>Ye, baw! quod a brewere, / I wol noght be ruled,</p> <p>By Jhesu! for al youre janglynge / With spiritus justitiæ,</p> <p>Ne after Conscience, by Crist! / While I kan selle</p> <p>Bothe dregges and draf, / And drawe it out at oon hole</p> <p>Thikke ale and thynne ale, / For that is my kynde,</p> <p>And noght hakke after holynesse. / Hold thi tonge, Conscience!</p>	<p>- Я не страшусь, – сказал Совесть, – что Гордыня придет. Владыка Похоти будет изгнан во время этого поста, я надеюсь.</p> <p>Придите, – сказал Совесть, – вы, христиане, которые так верно трудились в пост, и ешьте. Вот благословенный хлеб, и в нем тело Господа: Благодать, по слову Господа, дала Петру власть и силу готовить его [хлеб], а все люди потом могут есть его, для помощи в исцелении, раз в месяц или чаще, если есть нужда – те, кто заплатил за прощение Петру Пахарю: отдай, что должен.</p> <p>- Что? – сказали все люди. – Ты советуешь нам отдать все, чем мы владеем, любому существу, прежде чем причаститься?</p> <p>- Таков мой совет, – сказал Совесть, – и такова же Кардинальная Добродетель – чтобы каждый человек прощал другого, и того же хочет «Отче наш»: и остави нам долги наши, и проч. – и получил отпущение, а после был причащен.</p> <p>- Да, как же! – воскликнул какой-то пивовар. – Я не желаю подчиняться, клянусь Иисусом, ради всей твоей болтовни, духу справедливости или Совести, клянусь Христом! Пока я могу продавать опивки и подонки и наливать из одного крана густой эль и разбавленный, такова моя природа, и я не стремлюсь к святости. Придержи язык, Совесть!</p>
---	---

Затем в спор ввязывается священник, затем некий лорд, затем король, и видение заканчивается. Аллегорическая среда – место, где каждый может предстать в своем истинном обличье и высказаться честно, в отсутствие посюсторонних ограничений и опасений, будучи не только носителем определенной социальной роли или ремесла, но и «плодом Адама», представителем человечества, *everyman* (пользуясь именем, которое будет носить герой одноименного моралитэ конца XV века).

Everyman («всечеловеком»?) – а не только Уиллом Ленглендом, мужчиной средних лет, супругом и отцом – становится и рассказчик, лично принимающий участие в истории грехопадения.

It is a ful trie tree, quod he, / Trewely to telle;
 Mercy is the more therof, / The myddul stok is ruthe;
 The leves ben lele wordes, / The lawe of holy chirche;
 The blosmes beth buxom speche, / And benigne lokinge;
 Pacience hatte the pure tree, / And pure symple of herte;
 And so, thorough God and thorough goode men, / roweth the
 fruyt charité.
 I wolde travaille, quod I, this tree to se, / Twenty hundred
 myle;
 And for to have my fulle of that fruyt, / Forsake alle othere
 saulees.
 Lord! quod I, if any wight wite / Whider out it groweth.
 It groweth in a gardyn, quod he, / That God made hymselfe,
 Amyddes mannes body, / The more is of that stokke,
 Herte highte the herber / That it inne groweth.
 And liberum arbitrium / Hath the lond the ferme
 Under Piers the Plowman, / To piken it and to weden it.
 Piers the Plowman! quod I tho, / And al for pure joye
 That I herde nempne his name, / Anoon I swowned after,
 And lay longe in a lone dreem...

<...>
 I preide Piers tho to pulle a-doun / An appul, and he wolde,
 And suffre me to assaien / What savour it hadde.
 And Piers caste to the crop, / And thanne comsed it to crye,
 And waggede widwehode, / And it wepte after;
 And when it meved matrimoyne, / It made a foul noise.
 And I hadde ruthe whan Piers rogged, / It gradde so
 rufulliche;
 For evere as thei dropped a-doun, / The devel was redy
 And gadrede hem alle togideres, / Bothe grete and smale,
 Adam and Abraham, / And Ysaye the prophete,
 Sampson and Samuel, / And seint Johan the Baptist,
 Bar hem forth bodily, / No body hym letted,
 And made of holy men his hoord / In limbo inferni,
 There is derknesse and drede, / And the devel maister.
 And Piers, for pure tene, / Of that a pil he raughte;
 He hitte after hym, / Hitte how it myghte,
 Filius the fader wille, / And frenesse of Spiritus sancti,
 To go robbe that rageman, / And reve the fruyt fro hym.
 And thanne spak Spiritus sanctus / In Gabrielis mouthe,
 To a maide that highte Marie, / A meke thyng withalle,
 That oon Jhesus a justices sone / Moste jouke in hir
 chambre,
 Til plenitudo temporis* / Fully comen were,
 That Piers fruyt floured, / And felle to be rype,
 And thanne sholde Jhesus juste therefore, / By juggement of
 armes,
 Whether sholde fonge the fruyt, / The fend or hymselfe.

«Любовь – это прекрасное дерево, – сказал он [Совесть], – по правде говоря; В нем основа милосердие, его сердцевина – сострадание, его листья – верные речи, закон святой церкви, цветы – ласковая речь и кроткий вид. Терпение называется это чистое дерево и Чистая Простота сердца. Благодаря добрым людям и Богу растет плод Любви (каритас)». «Я бы прошел, – сказал я, – чтобы увидеть это дерево, две тысячи миль, и, чтобы попробовать этот плод, отказался бы от всякой другой еды. Сударь! – сказал я. – Может ли кто-то знать, где он растет?» «Он растет в саду, – сказал Совесть, – который создал сам Бог, внутри человеческого тела корень этого дерева. Сердце – его приют, в котором оно растет, а Свободная Воля владеет землей от Петра Пахаря, чтобы вскапывать ее и ухаживать за ней». «Петр Пахарь, – повторил я, и от чистой радости оттого, что я услышал его имя [названным], живо лишился чувств и долго лежал в одиноком сне [забыти] <...> Я спросил Петра сорвать яблоко и позволить мне попробовать, каково оно вкус. Он бросил [палку] в крону, и та начала вопить; и покочал дождь, и оно зарыдало, а когда дотронулись до брака, оно издало громкий крик. И я испытал жалость, когда Петр потряс [дерево], так горестно оно кричало. Как только они упали, дьявол был тут как тут и собрал их все, большие и малые, Адама и Авраама, и Исая-пророка, и святого Иоанна Крестителя, и Самуила, и Самсона, и дерзко унес их, и никто не помешал ему, и он составил из святых людей свое собрание в адском лимбе, где тьма и страх, и где властвует дьявол. Тогда Петр, разъярившись, потянулся к подпорке [из-под дерева] и нанес удар, ударил как мог, [с помощью] Сына по воле Отца, и величия Духа Святого, он обобрал этого негодяя и забрал у него плод. А потом заговорил Дух Святой устами Гавриила с девицей, что звалась Мария, кротким созданием, [и сказал], что сын Истины, некто Иисус, будет обитать в ее чреве, пока не настанет полное время, когда Петров плод расцветет и упадет, чтобы его собирали, и тогда Справедливый Иисус оружием решит спор, кто получит плод, враг или Он.

* Plenitudo temporis, или hy tyme (high time) у Ленгленда остается намеренно неопределенным понятием, относясь и к возрасту человека (зрелым годам, расцвету), и к времени в целом. Оно связывает периоды человеческой жизни (тема, активно обсуждаемая в средневековой философии) с существованием мира. Hy tyme – это зрелый возраст Христа и одновременно – вся жизнь Спасителя на земле. Показательно, как Ленгленд буквально на уровне выбора слов избегает намеков на то, что Христос до достижения собственного hy tyme – времени человеческого расцвета и совершенства – мог быть несовершенен (см., например: [Dove, 1986, pp. 118-124]).

Рассказчик просит Петра позволить ему отведать яблока – таким образом, желая *лично* испытать его вкус, он «запускает» действие первородного греха. Внешне неожиданным может показаться и поведение Петра Пахаря, беспокоящего все плоды на дереве, но оно совершенно логично, если не переставать рассматривать происходящее в контексте общей связности и не-случайности библейского сюжета. Петр, в ответ на просьбу Уилла, не срывает один из плодов, а заставляет страдать все дерево: свободная воля героя-повествователя – самого по себе человека достаточно справедливого и нравственного – кладет начало цепной реакции, вовлекающей в смертельную опасность все человечество. Повествователь, более того, *и есть* «свободная воля» – free will/Will (liberum arbitrium на латыни). Таким образом, он входит в пространство аллегории не только как наблюдатель, не только как участник из мира людей – в той мере, в какой все люди, «род человеческий», представлены в пространстве видения – но и как, собственно, фигура очень высокого (аллегорического) порядка.

Таковы горькие и сладкие последствия грехопадения: не изведав горького вкуса яблока (результата греха) и не пройдя весь путь с самого начала, Уиллу не суждено узнать и сладости любви Спасителя, которую он желает обрести. Кроме того, именно состоявшееся грехопадение кладет начало череде событий, увенчавшихся финальным воплощением Любви (caritas) – и то, что эта любовь изливается на *всех*, критически важно. Повествователь предпочитает прийти к запретному знанию путем Адама, от «каждого человека» (everyman) к Богочеловеку. Как Адам, будучи предупрежден, тем не менее, срывает запретный плод, так и сновидец-рассказчик как бы «не узнает» представшую перед ним картину – сад, дерево, яблоко и т.д. Это может показаться наивным: отчего так странно ведет себя человек ученый и, несомненно, сведущий в богословии, который *должен* узнать то, что явлено ему настолько открыто, в лоб? Однако эта нелогичность кажущаяся: то, что делает герой, он совершает полностью сознательно, не как наивный «потребитель видений», который тянется к вкусному яблоку, а именно как человек, *узнавший* то, что ему показали. Так, с открытыми глазами, вопреки запрету Творца, поступил Адам – и так же, сознательно и добровольно, но уже во исполнение воли Отца, поступит Христос; и как сердце распятого Христа будет пронзено копьем, так сердце человека пронзено корнями растущего в нем древа любви¹⁹.

¹⁹ Образ древа любви (arbor amoris), берущего начало в человеческой душе и колеблемого ветрами страстей, был широко распространен в средневековой литературе,

Осмысление подлинного соотношения между буквальным (бытовым) и аллегорическим должно вести читателей к преобразению их мира, как в социальном, так и духовном смысле. Сам повествователь в конце концов нечувствительно входит в библейский нарратив и продолжает движение уже в нем. Все, что происходит в человеческом мире, имеет непосредственное отношение к библейской истории; а библейская история – это не то, что произошло «когда-то» и осталось в прошлом, актуализируясь лишь как источник нравственных примеров и великих образов. Для автора аллегории она продолжает разворачиваться здесь и сейчас; разыгрывается великая литургическая драма, и исключительно в ее контексте имеет смысл все происходящее в настоящем²⁰. Бытовые детали в «Петре Пахаре» вводятся не для описания бытовой стороны жизни (современники Ленгленда в этнографии английского крестьянства не нуждались) и не для «заземления» отвлеченной аллегории, чтобы не было скучно читать. Телега, на которой возят урожай с поля в житницу,

в том числе светской (см., например, балладу Франсуа Вийона «J'ay ung arbre de la plante d'amours»). Вообще Ленгленд, как правило, не «выдумывает» свои образы – как минимум, для образованного человека они наверняка были абсолютно узнаваемы.

²⁰ В условиях такого хронотопа, что логично, окончание поэмы, по сути, оказывается новым началом: если в финале Совесть становится паломником, который странствует по миру, как делал в начале поэт-сновидец, то именно потому, что только теперь его совесть полностью осведомлена о Том, кого ей предстоит искать. Финальной картины рая и блаженства праведников, как в других аллегорических произведениях, например «Жемчужине» или «Божественной комедии», у Ленгленда нет – и в принципе почти не идет речи о награде для праведников. Сомнения, страдания, искушения – вот что сближает человека с Богом, делает «Адамов плод» кровным братом Христа. Подвергнувшись многочисленным опасностям в финале поэмы, перед лицом самого Антихриста, люди остаются как бы покинуты на произвол судьбы, но у них еще есть шанс применить на практике данную им свободную волю. Мир не окончательно пал, хотя общество в целом (включая земную церковь) не выдержало испытания; однако есть еще люди, которые продолжают активно бороться – «быть добрыми». Это – один из постоянных лейтмотивов поэмы:

Ac dedly synne doth he noght, / For Do-wel hym
kepeth;
And that is charité the champion, / Chief help ayein
synne;
For he strengtheth men to stonde, / And steereth
mannes soule,
And though the body bowe / As boot dooth in the
watre,
Ay is thi soule saaf, / But if thow wole thyselve
Do a dedly synne, / And drence so thi soule,
God wole suffre wel thi sleuthe, / If thyselv liketh.
For he yaf thee a yeres-gyve, / To yeme wel thyselve,
And that is wit and free-wil...

Смертного греха он [человек] не совершит, ибо «Поступай-хорошо» его хранит, и это Любовь-воин главным образом помогает победить грех, ибо он [любовь, charity] укрепляет людей и направляет человеческие души – и хоть тело и колеблется, как лодка на воде, о, твоя душа в безопасности, но ты захочешь сам совершить смертный грех и утопить таким образом свою душу, Господь терпит твой поступок, если тебе того хочется. Ибо Он дал нам дары, чтобы мы управляли собой, и это разум и свободная воля...

оказывается Христианством (или, точнее, Христианами, «крещеным миром», Christendom), упряжные быки – четырьмя евангелистами, и даже подпорки под яблоней, растущей в саду Петра Пахаря, имеют мистический смысл. С их помощью неземной садовник отбивает атаку дьявола, точно так же, как реальный садовник прогонял бы дубиной вора.

То же самое, разумеется, касается не только предметов, но и людей. Бедняк, который страдает от голода в английской деревне конца XIV века, с легкостью оказывается тем самым бедняком, который лежал у ворот богача в соответствующей притче, а в роли вполне реалистичных кающихся и плачущих грешников, пришедших на исповедь, внезапно оказываются Семь смертных грехов – и они соседствуют с жестянщиком Тимом, башмачником Клемом, мясником Бертом и Робертом-разбойником. Чревоугодие благополучно женат; Лень служит приходским священником, однако лучше разбирается в популярных песенках, чем в священных текстах; от Роберта-разбойника цепочка естественным образом тянется к раскаявшемуся разбойнику, распятому вместе с Христом. Изложенная в прологе история о «парламенте крыс» (в свою очередь, берущая начало в басне о кошке и колокольчике) влечет за собой реальный образ английского короля Ричарда II, взошедшего на престол в десятилетнем возрасте («где кот еще молод, двор в беспорядке»), и историю «Доброго парламента»²¹. А с другой стороны – сам Ленгленд тут же «библиеизует» происходящее, цитируя Экклезиаста: «Горе тебе, земля, когда царь твой отроч» (10:16). Как чеканка на монете напоминает о реальном правителе, так земной правитель для своих подданных служит напоминанием о Христе (King of Kings), а также о просвещенных царях-волхвах – людях, чьи справедливость и разум позволили им, благодаря откровению, стать непосредственными участниками священной истории.

21 Своим названием этот парламент, заседавший с 28 апреля по 19 июля 1376 года, обязан усиленным попыткам реформировать правительство, не пользовавшееся популярностью у населения; члены парламента немедленно обрели себе врага в лице Джона Гонта, герцога Ланкастера, фактического правителя страны до совершеннолетия Ричарда II. В разгар парламентских прений епископ Рочестерский произнес свою знаменитую проповедь о «парламенте» мышей и крыс, которые сговорились надеть на шею коту колокольчик – с вероятностью, так этот образ и попал в «Петра Пахаря».

It is nocht used in erthe, / To hangen a feloun
Offer than ones, / Though he were a tretour.
And if the kyng of that kingdom / Come in that tyme
There feloun thole sholde / Deeth or oother juwise,
Lawe wolde he yeve hym lif, / If he loked on hym.
And I, that am kyng of kynges, / Shal come swich
a tyme
Ther doom to the deeth / Dampneth alle the wikked;
And if lawe wole I loke on hem, / It lith in my grace
Wheither thei deye or deye nocht / For that thei
diden ille...

Не водится на свете вешать преступника
более одного раза, даже если он изменник.
И если правитель той страны придет в то
время, когда преступник должен претерпеть
смертную казнь или иное наказание, закон
требует, чтобы царь даровал ему жизнь, если
он взглянет на него. И Я, Царь царей, приду
в то время, когда все злые прокляты и обре-
чены на смерть; если закон желает, чтобы
Я взглянул на них, от Моей милости зависит,
умрут они или нет за то дурное, что сделали...

И так далее.

Петр Пахарь – Христос в плотской оболочке смиренного поселя-
нина (не в оковах, а в *доспехах* плоти, необходимых Ему для того,
чтобы бросить вызов дьяволу и не открыть прежде срока свою бо-
жественную природу) – возделывает сад Любви (Charity, каритас),
поскольку Христос и есть *каждый* человек – и каждому человеку по
силам проявить в себе Христа.

Til I weex wery of the world, / And wilned eft to slepe,
And lened me to a lenten, / And longe tyme I slepte
<...> Til ramis palmarum
Of gerlis and of gloria laus / Gretly me dremed,
And how hosanna by organye / Olde folk songen.
Oon semblable to the Samaritan, / And som deel to
Piers the Plowman,
Bare-foot on an asse bak / Boot-les cam prikye,
Withouten spores other spere, / Spakliche he lokede,
As is the kynde of a knight / That cometh to be dubbed,
To geten hym gilte spores, / Or galoches y-couped.
Thanne was Feith in a fenestre, / And cryde a fili David,
As dooth an heraud of armes, / Whan aventrous
cometh to justes.
Old Jewes of Jerusalem / For joye thei songen,
Benedictus qui venit in nomine Domini.
Thanne I frayned at Feith, / What al that fare
by-mente,
And who sholde juste in Jerusalem. / Jhesus, he seide,
And fecche that the fend claymeth, / Piers fruyt the
Plowman.
Is Piers in this place? quod I. / And he preynte on me:
This Jhesus of his gentries / Wol juste in Piers armes,
In his helm and in his haubergeon, / Humana natura;
That Crist be nocht bi-knowe here / For consumma-
tus Deus.

... Пока я не устал от мира, и захотел наконец
спать, и склонился [во время] поста и спал
долгое время <...> пока дети с пальмовыми
ветвями и gloria laus не приснились мне,
и как старики пели осанну под орган. Некто
похожий на самарянина и отчасти на Петра
Пахаря, босой на осле, без сапог поехал, без
шпор и без копья, но бодрый и веселый, как
если бы он был из рыцарского рода и ехал,
чтобы быть возведенным в рыцари и по-
лучить позолоченные шпоры и красивые
башмаки. Потом Вера показался в окне
и крикнул: «Сын Давидов!» – как герольд
приветствует турнирных бойцов. Старые
иерусалимские евреи пели от радости:
«Благословен будь тот, кто приходит во
имя Божье». Я спросил у Веры, в чью честь
весь этот шум и кто будет сражаться [на
турнире] в Иерусалиме. «Иисус, – ответил
он*, – и отнимет то, что дьявол забрал, плод
Петра Пахаря». «Петр здесь?» – спросил я.
Он подмигнул: «Благородный Иисус будет
сражаться оружием Петра, в его шлеме
и кольчуге, [именуемой] человеческой
природой (humana natura), чтобы Христос
не был узан здесь как совершенный Бог

* Вера, Надежда, Любовь и многие другие персонажи в «Видении о Петре Пахаре» – муж-
ского рода.

In Piers paltok the Plowman / This prikiere shal ryde.
 For no dynt shal hym dere, / As in deitate Patris.
 Who shal juste with Jhesus? quod I, / Jewes or scribes?
 Nay, quod he; The foule fend, / And fals doom and deeth.
 Deeth seith he shal for-do / And a-doun brynge
 Al that lyveth and loketh / In londe and in watre.
 Lif seith that he lieth, / And leieth his lif to wedde,
 That for al that deeth kan do / Withinne thre daies
 To walke and fecche fro the fend / Piers fruyt the
 Plowman,
 And legge it ther hym liketh, / And Lucifer bynde,
 And for-bete and a-doun brynge / Bale deeth for evere.
 O mors, ero mors tua.
 <...>
 And after God auntrede hymself, / And took Adames
 kynde,
 To wite what he hath suffred / In thre sondry places,
 Bothe in hevене and in erthe, / And now til helle he
 thenketh
 To wite what alle wo is, / And what is alle joye.
 So it shal fare by this folk, / Hir folie and hir synne
 Shal lere hem what langour is / And lisse withouten
 ende.
 Woot no wight what werre is / Ther that pees regneth,
 Ne what is witterly wele / Til weylaway! hym teche.

(consummatus Deus); в куртке Петра Пахаря поедет этот всадник; ибо никакой удар не повредит Ему, в deitate Patris». «Кто будет сражаться с Иисусом? Иудеи или книжники?» «Нет, – отвечал Вера, – страшный враг, и ложный приговор, и смерть. Смерть и утверждает, что может преодолеть и низвергнуть все, что живет и глядит на земле и в воде. Жизнь говорит, что смерть лжет, и жизнью ручается, что, что бы ни сделала смерть, через три дня [Он?] пойдет и отберет у врага плод Петра Пахаря, и выведет туда, куда хочет, и свяжет Люцифера, и скует, и победит скорбную смерть навсегда: “смерть! где твое жало?”.
 <...> И после того как Бог пришел сам и принял облик Адама, чтобы узнать, что тот испытал в трех разных местах, на небе, и на земле, и теперь в аду Он хочет узнать, что такое вся скорбь и что такое вся радость. Так надлежит и людям, в их глупости и грезе, узнать, что такое страдания и бесконечное блаженство. Никто не знает, что такое война, пока царит мир, ни что такое хорошо, пока «прощай!» его не научит».

Чудо Страстей Христовых одновременно становится реальным историческим событием, воспринимаемым через метафору турнира, и в то же время тайной, которую в полной мере возможно описать лишь в богословских (латинских) терминах – однако и в отсутствие ученого объяснения она может быть воспринята «наивной» верой, при помощи воображения²². К этому времени Петр Пахарь окончательно обретает статус идеального – и одновременно *каждого* – представителя человеческого рода, который дает взаймы Сыну Божьему телесный облик для решающего поединка с дьяволом. Христос продолжает традицию, хорошо известную в Средние века – по крайней мере, в мире рыцарских романов – когда известный и могучий рыцарь приезжает на турнир инкогнито, чтобы противники не узнали его и не отказались от боя. Обманутый дьявол – одновременно фарсовый персонаж, герой низовой культуры

²² Воображение как персонаж появляется в 12-й части «Видения»; именно оно рас- толковывает повествователю, что значит Do-well, Do-better и Do-best, противопоставляя подлинную ученость бессмысленным умствованиям над тайнами, которые не могут быть раскрыты человеческим умом.

фаблио, и предмет богословских рассуждений высочайшего уровня (ср. у Блаженного Августина: «*Muscipula diaboli, crux Domini; esca qua caperetur, mors Domini*») [Sancti Aurelii Augustini..., 1837, p. 1565]²³. Противником Христа – правда, вынужденным – становится и слепой рыцарь Лонгин, которого обманом вынуждают нанести распятому Христу удар копьём. Однако рыцарские образы и сюжеты в «Петре Пахаре» (и образ Христа-воина в средневековом сознании) – тема для отдельного исследования.

Why sholde we that now ben, / For the werkes of Adam,
 Roten and to-rende? / Reson wolde it nevere.
Unusquisque portabit onus suum, etc.
 Swiche motyves thei mene, / Thise maistres in hir
 glorie,
 And maken men in mys-bileve / That muse muche on
 hire wordes,
 Ymaginatif herafterwarde / Shal answere to hir purpos.
 <...> I am Ymaginatif, quod he, / Ydel was I nevere,
 Though I sitte by myself, / In siknesse nor in helthe.
 I have folwed thee, in feith! / Thise fyve and fourty
 wynter,
 And many tymes have meved thee / To thynke on thyn
 ende,
 And how fele fernyeres are faren, / And so fewe to
 come;
 And of thi wilde wantownesse / Tho thou yong were,
 To amende it in thi middel age, / Lest myght the failled
 In thyn olde elde, / That yvele kan suffre
 Poverte or penaunce, / Or preyeres to bidde.
Si non in prima vigilia, nec in secunda, etc.

Почему мы должны терзаться и гибнуть за то, что сделал Адам? Это неразумно. «Каждый несет свое бремя, и т.д.». Такие доводы они предлагают, эти блистательные господа, и заставляют людей, которые много размышляют над их словами, терять веру, однако Воображение имеет ответ на этот вопрос.

<...>

«Я Воображение, – ответил он, – праздным я не был никогда, хотя сидел один, в болезни и здравии. Я, по правде говоря, следовал за тобой сорок пять лет и много раз заставлял тебя думать о твоей кончине, и о том, сколь многое случилось в прошлом, и о твоём безумном распутстве, когда ты был молод, чтобы исправить это в зрелом возрасте, прежде чем ты достигнешь старости, которая может [помешать выносить] бедность, или покаяние, или молитвы. И если придет во вторую стражу и т.д.

Истинная ученость заключается не в бесстрастном усвоении книжной информации, особенно Священного писания; чтение священных текстов осмысленно лишь тогда, когда человек выстраивает сообразно им свою жизнь. Начетническое знание Библии, по Ленгленду, ничего не дает – интеллектуальный багаж бесполезен, если он не стал преображающим душу. То есть, подлинная суть противопоставления здесь не «ученость церковная vs. ученость светская», как отмечают некоторые исследователи, а «ученость истинная/преображающая vs. ученость безнравственная, не усвоенная душой». Для Ленгленда – не бывает знания «просто так», ради пополнения суммы сведений.

²³ «Мышеловка для дьявола – крест Господа, а наживкой послужила смерть Христа». Образ дьявола, «обманутого» Спасителем или обманувшегося, встречается также у св. Ириней, Григория Назианского, Петра Ломбардского.

Ac was no body so boold / Goddes body to touche;
 For he was knyght and kynges sone, / Kynde for-yaf that
 tyme,
 That noon harlot were so hardy / To leyen hond upon
 hym.
 Ac ther cam forth a knyght, / With a kene spere
 y-grounde,
 Highte Longeus, as the lettre telleth, / And longe hadde
 lore his sighte.
 Bifore Pilat and oother peple / In the place he hoved;
 Maugree his manye teeth, / He was maad that tyme
 To take the spere in his hond, / And justen with Jhesus.
 For alle thei were unhardy, / That hoved on horse or
 stode,
 To touchen hym or to tasten hym, / Or taken down of
 roode.
 But this blynde bachelor / Baar hym thorough the herte;
 The blood sprong down by the spere, / And unspered the
 knyghtes eighen.
 Thanne fil the knyght upon knees, / And cryde hym
 mercy;
 Ayein my wille it was, Lord, / To wownde yow so soore.
 He sighed and seide, / Soore it me a-thynketh,
 For the dede that I have doon / I do me in youre grace.
 Have on me ruth! rightful Jhesu! / And right with that
 he wepte.

Но никто не был так дерзок, чтобы
 коснуться тела Бога, потому что Он
 был рыцарь и королевский сын, имел
 такую природу в то время, и никакой
 негодяй не был так смел, чтобы под-
 нять на Него руку. Рядом был Лонгин,
 как говорит Писание, который давно
 потерял зрение, вместе Пилатом и дру-
 гими людьми в том месте он стоял. Не-
 смотря на свои многие [возражения],
 его в тот раз заставили взять копье
 в руку и сразиться с Иисусом, потому
 что они трусили, те, кто был на коне
 или пешим, коснуться его, или побес-
 покоить, или снять с креста. Когда этот
 слепой муж пронзил ему сердце, по
 копью потекла кровь и отворила тому
 рыцарю глаза. Тогда рыцарь упал на
 колени и взмолился о пощаде: «Против
 моей воли это было, Господи, ранить
 Тебя так тяжело». Вздыхая, он сказал:
 «Больно мне думать об этом. За то,
 что я совершил, я веряю себя Твоей
 милости. Сжался надо мной, справед-
 ливый Иисус!» И с этими словами он
 заплакал.

Неизбежно возникает вопрос: аллегория – это фикция или отчет-
 ливое ощущение присутствия нематериального в мире, требующего
 воплощения (или проявления, или создания особых условий для
 того, чтобы его можно было увидеть)? Неудивительно, что в области
 аллегорической литературы появляется сон и/или видение, маркер
 входа в определенное пространство, где можно увидеть и услышать
 именно эту особую – мистическую – реальность, не параллельную
 нашему миру и не альтернативную, а естественно встроенную в него,
 вплетенную в саму ткань мира. Поскольку для Ленгленда мистиче-
 ское пространство не противоположно бытовому, историческому, то
 и действие, происходящее в области духовного, оказывается не от-
 деленным от бытового, а, напротив, неразрывно сплавленным с ним.
 Бытовое не является «низким» по сравнению с чем-то сакральным

и непостижимым, но и не служит средством оживления для отвлеченных моралистических сцен (как и священное, в свою очередь, не оказывается инструментом возвышения для узнаваемо-жизненного, способом подтянуть земное к небесному). Бытовое не нуждается в искусственной сакрализации, поскольку происходящее в «средьземелье» и события высочайшего духовного уровня суть одна и та же история.

Физическое перемещение героя-повествователя по вполне реальным Мальвернским холмам в Англии происходит одновременно с его перемещением по миру Петра Пахаря. В одежде пилигрима он пускается в путь – и продолжает движение «там». Он видит духовное в повседневном так ясно, что повседневное и становится духовным, позволяя Уиллу попросту войти в мир библейского повествования, что особенно очевидно в конце поэмы, когда и грехопадение, и распятие Христа, и пришествие Антихриста происходят у него на глазах. И в этом смысле аллегория как метод, как она представлялась в средние века, абсолютно выполняет свое предназначение, связывая библейский нарратив с прошлым, настоящим и будущим человечества – не то что связывая (тут ощущается некая искусственность), а, скорее, воссоединяя. Она соединяет события Ветхого завета с Новым заветом, проводя связи между ветхозаветной историей и событиями жизни Христа; интерпретирует конкретные исторические события и бытовые реалии, переводя их в духовный пласт; дает понять, каким образом надлежит вести себя в настоящем; повествует о будущих событиях христианской истории, толкуя изображаемое анагогически, в высшем смысле, когда возводимый на поле амбар оказывается житницей, в которую будет собрана жатва Господня.

Список литературы

1. Льюис, 2016 – Льюис К.С. Избранные работы по истории культуры. М.: НЛО, 2016. 925 с.
2. Хейзинга – Хейзинга Й. Осень Средневековья. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/HUIZINGA/osen.txt> (дата обращения: 08.01.2020)
3. Clopper, 1997 – Clopper L.M. *Songes of Rechelesnesse: Langland and the Franciscans*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997. 288 p.
4. Dove, 1986 – Dove M. *Hy time in Piers Plowman* // Dove M. *The Perfect Age of Man's Life*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. Pp. 118-124.
5. Sancti Aurelii Augustini..., 1837 – Sancti Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi Opera Omnia. In 13 T. Paris: Apud Gaume Fratres, Bibliopolas, 1837. T. 5. Part 1. 1616 p.
6. Collected Letters..., 2007 – The Collected Letters of C.S. Lewis. In 3 vols. / Ed. by Walter Hooper. San Francisco: HarperOne, 2007. Vol. 3. 1840 p.
7. The Vision..., 1887 – The Vision and the Creed of Piers Ploughman / Ed. by Thomas Right. In 2 vols. London: Reeves and Turner, 1887. URL: <http://www.gutenberg.org/files/43660/43660-h/43660-h.htm> (дата обращения: 08.01.2020).
8. Wycliffe, 1845 – Wycliffe J. *Treats and Treatises of John de Wycliffe*. London: Blackburn and Pardon, 1845. URL: https://oll.libertyfund.org/titles/wycliffe-tracts-and-treatises-of-john-de-wycliffe#lf0882_label_658 (дата обращения: 26.01.2020).

References

1. Lewis K.S. *Izbrannyye raboty po istorii kul'tury* [Selected works on culture history]. Moscow, NLO Publ., 2016. 925 p. (In Russ.)
2. Kheizinga I. *Osen' Srednevekov'ia* [The autumn of the Middle Ages]. Available at: <http://www.lib.ru/FILOSOF/HUIZINGA/osen.txt> (last accessed: 08.01.2020) (In Russ.)
3. Clopper L.M. *Songes of Rechelesnesse: Langland and the Franciscans*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1997. 288 p. (In English)
4. Dove M. *Hy time in Piers Plowman. The Perfect Age of Man's Life*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1986. Pp. 118-124. (In English)
5. *Sancti Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi Opera Omnia*. In 13 T. Paris, Apud Gaume Fratres, Bibliopolas Publ., 1837. T. 5. Part 1. 1616 p. (In Latin)
6. *The Collected Letters of C.S. Lewis*. In 3 vols., ed. by Walter Hooper. San Francisco, HarperOne, 2007. Vol. 3. 1840 p. (In English)
7. *The Vision and the Creed of Piers Ploughman*, ed. by Thomas Right. In 2 vols. London, Reeves and Turner Publ., 1887. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/43660/43660-h/43660-h.htm> (last accessed: 08.01.2020) (In English)
8. Wycliffe J. *Treats and Treatises of John de Wycliffe*. London, Blackburn and Pardon, 1845. Available at: https://oll.libertyfund.org/titles/wycliffe-tracts-and-treatises-of-john-de-wycliffe#lf0882_label_658 (last accessed: 10.01.2020). (In English)